УДК 94(47).084.3

А.В. Барынкин

Независимость Польши и вопрос формирования ее восточных границ в контексте советской внешней политики рубежа 1918–1919 гг.

После окончания Первой мировой войны народы Восточной Европы вступили в качественно новый период своего национального и государственного существования. Экономические, социальные и политические катаклизмы, вызвавшие падение европейских империй, давали богатую почву для разнообразных социальных и политических экспериментов. Выходя на мировую политическую арену, молодые государства стали активно заявлять о своих территориальных притязаниях. Польша не стала исключением, ее политическая элита в первые послевоенные годы решилась на рискованное военное разрешение территориальных споров с соседями: с Германией и Советской Россией, а также с Литвой и Чехословакией.

В политических кругах Польши к 1918 г. был выработан ряд моделей возможного территориального оформления польских границ. Роман Дмовский, лидер Национально-демократической партии Польши, в меморандуме, представленном в Лондоне в конце марта1918 г., указывал на то, что «возрождение Польши в исторических границах 1772 г. на сегодняшний день вряд ли возможно», при этом «основой сильной Польши являются области, на которых большинство населения говорит по-польски». Говоря о восточных областях, Дмовский ограничивался территориями следующих губерний: Ковенской, Виленской, Гродненской, большей частью Минской и частью Волыни[1]. Так Дмов-

[1] См.: *Лыкошина Л.С.* Основатель «пястовской» концепции развития Польши Роман Дмовский // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства

ским обосновывалась необходимость создания сильной Польши в этнографических границах.

Планы Ю. Пилсудского были иными. Он не видел, в отличие от своего политического конкурента, возможного союзника в лице России. Пилсудский ориентировался на ослабление восточного соседа посредством максимального расширения польских границ в сторону России[2]. Он подчеркивал, что «на востоке всё иначе — есть тут двери, которые открываются и закрываются. Вопрос в том, у кого больше сил для того, чтобы их открыть»[3]. Показательно утверждение Пилсудского о том, что порты Либавы и Риги могут компенсировать «сомнительный Гданьск», для чего требовалось привлечь на свою сторону эстонцев и латышей[4].

Эти две наиболее известные польские концепции территориального оформления Второй Речи Посполитой невольно подводят к выводу о неизбежности военного разрешения вопроса о восточных границах Польши. Польская внешнеполитическая стратегия в любом случае не довольствовалась бы территорией прежнего Царства Польского: Польша не скрывала своих притязаний на «восточные кресы»[5].

Следует учитывать, что 14 ноября 1918 г. всю полноту государственной власти в Польше получил Ю. Пилсудский, бескомпромиссный политик, подчеркивавший свою приверженность политике свершившихся фактов[6]. Хорошо известны его слова: «Уже в 1918 году, независимо ни от кого, я поставил себе ясную цель в войне с Советами. Я решил приложить все силы к тому, чтобы сорвать любые попытки вновь навязать нам чужую <...> жизнь, причем сделать это как можно дальше от мест, где зарождалась и крепла новая жизнь. В 1919 году я эту задачу выполнил»[7].

Если позиции польских политиков касательно территориального оформления возрождавшейся Польши относительно хорошо известны, то ответ на вопрос, что собой представляло большевистское ви́дение польской независимости и польских границ в тот период, остается малоизвестным.

В данной статье предпринята попытка выяснить, как политическое и военное руководство Советской России оценивало территориальное оформление возрождавшейся Польши. Можно ли утверждать, что имелись некие стройные

в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009. С. 265; *Czubiński A.* Walka Józefa Pilsudskiego o nowy kształt polityczny Europy Środkowo-Wschodniej w latach 1918–1921. Toruń, 2002. P. 49–50.

2 *Czubiński A.* Op. cit. P. 49.

3 Ibid. P. 58.

4 Ibid. P. 59.

5 Имеются в виду так называемые восточные кресы (некоторые территории современной Западной Белоруссии, Западной Украины и Литвы, входившие в состав Речи Посполитой до первого раздела 1772 г.).

6 *Czubiński A.* Op. cit. P. 58.

7 *Пилсудский Ю.* Война 1920 года. М., 1992. С. 265.

концептуальные построения по этому вопросу на рубеже 1918–1919 гг., т.е. в период, когда Красная Армия достигла тех рубежей, которые рассматривались в Варшаве как интегральная часть Второй Речи Посполитой? Весьма непростой проблемой является фактическое признание независимости Польши. Большевистское руководство редко фиксировало свое ви́дение польского вопроса в официальных актах. Идеологические и внешнеполитические представления руководства большевиков в тот период отличались противоречивостью. При рассмотрении этих вопросов неизбежно привлечение широкого круга источников дипломатического, военного и внутрипартийного происхождения, публицистики, материалов периодической печати.

Революционная Россия вошла в международный дипломатический диалог посредством хорошо известных документов: Декрета о мире и Декларации прав народов России. Громкие заявления молодой советской власти носили исключительно общий характер. Большевики предлагали мир без аннексий и контрибуций. Определяя термин «аннексия», они понимали ее как «всякое присоединение к... государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности»[8]. Декрет вполне ясно определял положение Царства Польского — несмотря на срок давности, разделы Речи Посполитой попадали под данное определение аннексии, что, следовательно, должно было порицаться в контексте «пролетарского» ви́дения международных отношений.

В Декларации прав народов России советская власть предлагала взамен недостойной политики «лжи и недоверия, придирок и провокаций» честную политику, ведущую «к полному взаимному доверию народов России»[9], поскольку только при наличии такого доверия мог «сложиться честный и прочный союз народов России», в результате которого рабочие и крестьяне народов России могут быть «спаяны в одну революционную силу, способную устоять против всяких покушений со стороны империалистско-аннексионистской буржуазии»[10]. Коротко говоря, национальным окраинам предлагалась новая форма совместного государственного существования. Когда Ноябрьская революция в Германии открыла перед большевиками широкий горизонт возможностей для установления власти в Восточной Европе, данный тезис эволюционировал. В новых условиях советизация бывших западных окраин обосновывалась необходимостью помощи трудящимся данных территорий и их (трудящихся) собственным свободным выбором жить в союзе с Советской Россией[11].

В данном контексте интерес представляет и Декрет СНК об отказе от договоров бывшей Российской империи с правительствами Германской и Австро-

[8] Декрет о мире. Принят II Всероссийским Съездом Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г. // ДВП СССР. Т. I. М., 1959. С. 12.

[9] Декларация прав народов России // Там же. С. 14.

[10] Там же. С. 15.

[11] См. напр.: *Радек К.* Внешняя политика Советской России. М.; Пг., 1923. С. 82.

Венгерской империи, королевств Пруссии и Баварии и др. от 29 августа 1918 г. Еще до аннулирования Брестского мира и падения германского оккупационного режима советским правительством в указанном декрете бесповоротно отменялись «все договоры и акты, заключенные правительством бывшей Российской империи с правительствами королевства Прусского и Австро-Венгерской империи, касающиеся разделов Польши, ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа»[12]. Право на свободный выбор политического будущего Польши присутствовало и в тексте Постановления ВЦИК об аннулировании Брест-Литовского договора от 13 ноября 1918 г.[13]

Признанная в целом ряде официальных постановлений независимость буржуазной Польши стала переосмысливаться с изменением социально-политической ситуации в Европе[14]. Наличие широкого спектра внешнеполитических перспектив для Советской России с неизбежностью требует поиска ответа на вопрос: какую роль должна была сыграть возрождавшаяся Польша после падения германского оккупационного режима?

Российский историк А.Ю. Ватлин полагает, что переломным моментом в позиции самого В.И. Ленина в оценке международного положения явилось 1 октября 1918 г. Тогда, в частности, последний утверждал: «Все умрем за то, чтобы помочь немецким рабочим в деле движения вперед начавшейся в Германии революции»[15]. Считая революцию в этой стране делом ближайшего времени, 1 октября 1918 г. Ленин писал: «Армия в 3 миллиона должна быть у нас к весне для помощи международной рабочей революции»[16]. В начале октября 1918 г. революция в Германии не являлась свершившимся фактом, однако лидер российских коммунистов усмотрел вероятность военной и продовольственной помощи рабочим одной из ведущих держав Европы. Впрочем, «октябрьский» сценарий задерживался.

Для ускорения революционных событий в Берлин был отправлен Карл Радек[17]. В конце 1918 г. ему удалось добраться до Берлина[18], а уже в феврале

[12] Декрет Совета Народных Комиссаров об отказе от договоров правительства бывшей Российской империи с правительствами: Германской и Австро-Венгерской империй, королевств Пруссии и Баварии, герцогств Гессена, Ольденбурга и Саксен-Мейнингена и города Любека от 29 августа 1918 г. // ДВП СССР. Т. I. М., 1959. С. 460.

[13] Постановление ВЦИК об аннулировании Брест-Литовского договора 13 ноября 1918 г. // Там же. С. 565.

[14] *Шишкин В.А.* Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930) и капиталистический мир. СПб., 2002. С. 75.

[15] Цит. по: *Ватлин А.Ю.* Коминтерн: Идеи, решения, судьбы. М., 2009. С. 29.

[16] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 50. М., 1970. С. 185.

[17] Подробнее см.: *Fiddick T.G.* Russia's Retreat from Poland, 1920. From Permanent Revolution to Peaceful Coexistence. London, 1990.

[18] Ранее, в августе 1918 г. большевистское руководство позволило ему доехать только до Орши.

1919 г. нелегальный советский посланник был арестован. Написанные им тогда публицистические сочинения были опубликованы в 1921 г. под общим названием «На службе германской революции»[19]. Особого внимания заслуживает статья «Германская революция и польский вопрос», написанная в декабре 1918 г., т.е. еще до поражения спартаковцев и гибели Р. Люксембург и К. Либкнехта. Радек предполагал, что стремление польской политической элиты сводятся к созданию вала между революционной Россией и революционной Германией: «...вал, который они намереваются далеко продвинуть на Восток, в Литву и Белоруссию, и о который должны разбиться волны пролетарской революции»[20]. Автор не скупился на резкие оценки польских политиков. Ю. Пилсудского он называет «генерал-клоуном», а Р. Дмовского «прихлебателем лондонского Форейн-Оффис и Кэ-д'Орсэ в Париже»[21]. Радек был уверен в том, что польский рабочий класс «все-таки представляет собою достаточную силу для того, чтобы держать свободным путь из России в Германию»[22].

Разрешение территориального спора между новообразованной Польшей и ее западным соседом автор видел в союзе германской и польской социалистических республик, поскольку «народным массам и в голову не придет отрывать какие-либо области для той или другой нации, ибо всё национальное угнетение исчезнет». Однако для привлечения польских трудящихся на сторону германского пролетариата требовалась значительная работа: немецкие коммунисты должны оказывать помощь оружием и деньгами своим польским коллегам. И тогда, полагал он, «Польша перестанет быть валом против германской революции, а станет мостом между германской и русской революцией». Такая политика, по его мнению, была предопределена интересами немецкой, польской, русской и мировой революций[23]. Сложно судить о том, насколько взгляды Радека могли отражать стратегические построения большевиков в отношении возрождавшейся Польши. Однако очевидно, что исходная посылка его рассуждений была проста: политическое будущее Германии и Польши зависит только от их собственных решений.

С 2 по 6 марта 1919 г. в Петрограде проходил Учредительный съезд Коммунистического интернационала. В принятой платформе констатировалось перерождение империалистической войны в гражданскую; наступала новая эпоха — эпоха коммунистической революции пролетариата[24]. Рабочий класс в новых условиях должен был «разрушить господство капитала, сделать невозможными

[19] *Радек К.* На службе германской революции. М., 1921.

[20] *Радек К.* Германская революция и польский вопрос // Радек К. На службе германской революции. С. 90.

[21] Там же.

[22] Там же. С. 91.

[23] Там же. С. 90–92.

[24] Платформа Коммунистического Интернационала // Первый конгресс Коминтерна. Март 1919 г. М., 1933. С. 173.

войны, стереть границы между государствами, превратить весь мир в работающее само на себя сообщество, осуществить свободу и братство народов»[25].

Отвергая феномен границ и государства, большевики тем не менее не призывали к скорому осуществлению идей пролетарского интернационализма на практике. Чуть более определенно по этому поводу высказался лишь Л.Д. Троцкий. Затрагивая вопрос о возможном вступлении Красной Армии в Германию, он утверждал: «К счастью или к несчастью,— это, конечно, дело вкуса,— но в настоящий момент до этого еще не дошло»[26]. Развивая свою мысль, он заключил: «...хотя мы сейчас даже не помышляем о том, чтобы напасть на Восточную Пруссию», но если «наши западные братья призовут нас на помощь, мы ответим: "Мы здесь, мы за это время научились владеть оружием, мы готовы бороться и умирать за мировую революцию!"»[27].

Гражданская война в самой России не позволяла оказывать реальную военную помощь пролетариату запада. Показательно, что известия об успехах венгерских и немецких товарищей пришли в то время, когда Троцкий готовил наступление в предгорьях Урала[28]. Однако, вскоре, следя за итогами революционных выступлений в Центральной Европе, нарком предложил искать иной объект экспансии. Ему казалось, что в новых условиях дорога к революции в Париже и Лондоне должна была прокладываться через Кабул, Калькутту и Бомбей[29].

Позиция В.И. Ленина в это время была представлена на VIII съезде РКП(б) (18–23 марта 1919 г.). Глава СНК полагал: у поляков «по нашему революционному календарю недалек уже Октябрь»[30]. И вместе с тем он признавал, что польские трудящиеся пропитаны духом социал-патриотизма: «Рабочих там запугивают тем, что москали, великороссы, которые всегда поляков давили, хотят внести в Польшу свой великорусский шовинизм, прикрытый названием коммунизма»[31]. В силу этого следует учитывать, что «не путем насилия внедряется коммунизм... Надо предоставить (полякам. — *А. Б.*) возможность исполнить скромное желание — сделать Советскую власть лучше, чем у нас»[32].

Коминтерн противодействовал общей внешнеполитической линии советского НКИД. Нарком Г.В. Чичерин весьма настороженно относился к деятельности новоявленной организации, видя в ней своего прямого конкурента. Представляя диаметрально противоположенное ви́дение задач Советского государства на международной арене, НКИД и ИККИ вступили в негласную конфронтацию.

[25] Там же.

[26] Речь Л.Д. Троцкого на первом заседании первого конгресса Коммунистического Интернационала (от 2 марта 1919 г.) // Там же. С. 41.

[27] Там же.

[28] См.: *Дойчер И.* Троцкий: вооруженный пророк, 1879–1921. М., 2006. С. 458–459.

[29] Там же. С. 461.

[30] Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М., 1959. С. 47.

[31] Там же.

[32] Там же.

В этом отношении весьма показательна так называемая последняя служебная записка Г.В. Чичерина, известная под названием «Диктатура языкочешущих над работающими». Нарком весьма убедительно назвал своих политических оппонентов: «из наших... "внутренних врагов" первый — Коминтерн»[33].

Прагматическая оценка международных процессов и участие в них, отраженное в конкретных шагах НКИД и НКТиП, было вторым неотделимым измерением советской внешней политики, определявшей место РСФСР в мире в контексте возможности установления партнерских отношений с капиталистическими странами.

Если таким интернационалистам, как, например, Радек, Польша могла представляться «мостом», способным соединить революционную Германию и Советскую Россию, то «прагматикам» Польша виделась, в частности, независимой капиталистической страной, с которой было можно наладить товарообмен. О таких перспективах позволяет говорить малоизвестный в истории советско-польских отношений эпизод, связанный с торговой миссией В. Ястржембского. Тогда переговоры с поляками обнаружили взаимную заинтересованность сторон в товарообмене. От заинтересовавшихся советскими предложениями торговых кругов Польши требовалась определенная смелость для того, чтобы пойти на заключение сделок с большевистским правительством. Польша могла стать единственным экономическим партнером из капиталистических стран, с которыми Советская Россия находилась в непосредственной территориальной близости.

К таким выводам приходил и Радек в работе «Внешняя политика Советской России». Он развивал идею о том, что без революции в Германии бывшие западные окраины царской империи являются только транзитными территориями в процессе товарообмена с капиталистическими странами[34]. Наблюдая за противоречивым развитием революционных событий в Берлине и за поражением коммунистов в январе 1919 г., большевики вынуждены были выстраивать свои отношения с капиталистическими странами на прагматической основе, возвращаться к так называемой «брестской тактике», предполагавшей установление мирных отношений, необходимых для восстановления хозяйства и победы в гражданской войне.

Необходимость концентрировать внимание на внутренних проблемах, а также на ухудшении международного положения диктовала изменение отношения к бывшим окраинам империи. Если революционным романтикам успешное продвижение Красной Армии на запад виделось пробой переноса революции на штыках в Европу, то западные советские республики становились скорее буфером, ограждавшим Советскую Россию от враждебных сил с запада. Для определения отношения к Польше в последующие за Ноябрьской революцией недели следует исходить из того, что советское руководство в то время заняло выжидатель-

[33] «Диктатура Языкочешущих над Работающими». Последняя служебная записка Г.В. Чичерина // Источник. 1995. № 6. С. 107–108.

[34] См.: *Радек К.* Внешняя политика Советской России. М.; Пг., 1923. С. 66–67.

ную позицию. Рассчитывая на революционный взрыв в Германии, ни в октябре, ни в последующие месяцы большевистское руководство не решалось на сколь-либо значительные внешнеполитические акции. Донесения из Берлина вряд ли могли чем-то обнадежить советское руководство и с наступлением 1919 г.

Периодическая печать отчетливо фиксировала всю остроту ситуации. Публикации в основных советских газетах — «Правде» и «Известиях» — воспроизводят весьма неоднозначную картину «мирового революционного процесса». С началом событий в Германии советская пресса запечатлела очевидные надежды большевиков на успех революции. 10 ноября 1918 г. «Правда» напечатала статью с весьма красноречивым названием — «Советская Германия». В ней доказывалось, что «великая европейская и всемирная революция шагает стомильными шагами!», а «гражданская война кипит от Волги до Рейна и Дуная».

Подобная революционная бравурность пропитывала многочисленные статьи и заметки, посвященные политическому положению в Германии. У советских граждан должно было прочно закрепиться представление о том, что победа революции должна была бы означать начало грандиозных революционных событий в мировом масштабе. В связи с чем объявлялось, что «международная социалистическая революция перешла в наступление на буржуазный мир. Она этот мир победит»[35].

Складывавшаяся в Германии политическая ситуация вместе с продвижением Красной Армии в Прибалтике и Белоруссии вынуждала редакцию центрального органа РКП(б) остановиться и на польском вопросе. 19 ноября на страницах «Правды» особо подчеркивалось: «Польша и другие оккупированные местности являются в настоящее время той стеной, которая отделяет революционную Германию от Советской России. Для последней поэтому в высшей степени важно всё то, что делается в Польше, а также и в Литве»[36]. Так впервые в советской центральной прессе появилась метафора, определяющая Польшу как некий барьер на пути к революционной Германии. Однако из текста не следовало, что этот барьер должен быть ликвидирован, но подчеркивалось, что «в период грядущей схватки революционного пролетариата континента Европы с мировой буржуазией польские коммунисты окажутся на своем посту»[37].

Вопрос о бывших западных окраинах царской империи вновь зазвучал в статье под названием «С Востока свет»: «Медленно, но также неудержимо отступают в область небытия “новые” буржуазно-республиканские “правительства” Эстляндии, Латвии, Литвы, Белоруссии... Средостение между Россией и Германией падает». Продвижению Красной Армии приписывалась роль «освободительного движения с Востока на Запад»[38].

---

[35] *Волин Б.* Завоевание Берлина // Правда. 1918. 12 ноября.

[36] *П-ий С.С.* Положение в Польше // Правда. 1918. 19 ноября.

[37] Там же.

[38] С Востока свет // Там же. 1918. 15 декабря.

Обоснование весьма активного расширения советского влияния на запад также нашло свое косвенное отражение в статье И.В. Сталина «Октябрьский переворот и вопрос о национальностях». Автор полагал, что благодаря Октябрьской революции «сложился социалистический союз рабочих и крестьян всей России против контрреволюционного союза национально-буржуазных “правительств” окраин России», в связи с чем борьбу окраинных правительств следовало бы рассматривать как борьбу контрреволюции против социализма[39].

Вместе с тем редакция «Правды» допускала и публикацию иных материалов. Уже в номере за 19 ноября в статье «Германская революция в опасности» говорилось о необходимости «смотреть правде в глаза». Автор статьи Ил. Мгеладзе подчеркивал факт отсутствия у революции «своего» правительства, в результате чего такая революция лишалась доверия со стороны Советской России[40].

Активная деятельность на германской политической сцене таких политиков, как Фридрих Эберт и Филипп Шейдеман, вызывали в Москве особую обеспокоенность. Подтверждением тому служит статья «Германия и союзники», в которой Эберт назывался проводником предательской политики, уговаривавшим бывших врагов своей страны «в случае победы в Германии пролетарской революции раздавить эту революцию». Автора высказывал смелое суждение: «...пролетарская революция в Германии стоит уже на пороге истории»[41].

Вместе с надеждами на революционные преобразования в Германии не получили развития аналогичные чаяния в отношении Польши. Орган ВЦИК «Известия» 12 января 1919 г. доносила до читателей довольно критический взгляд на революционные перспективы в Польше: «Нельзя подходить к оценке политических событий в Польше с готовыми схемами русской или немецкой революции». Впрочем, автор выражал надежду на то, что «ближайшее время в Польше будет периодом изжития с молниеносной быстротой скрытой глубоко в широких массах крестьян и рабочих идеологии национального независимого государства»[42].

Известный польский исследователь А. Новак видит в подобных пропагандистских выпадах в «Правде» и «Известиях» прямое отражение устойчивых геополитических интересов молодого Советского государства. Упомянутая выше статья «Революционные перспективы в Польше»[43] рассматривалась Новаком исключительно в контексте советизации Польского государства на рубеже 1918–1919 гг.[44] Однако столь пристальное и критическое внимание к политической жизни Второй Речи Посполитой требует весьма осторожных выводов.

[39] *Сталин И.В.* Октябрьский переворот и вопрос о национальностях // Правда. 1918. 19 ноября.

[40] *Мгеладзе И.* Германская революция в опасности // Там же. 1918. 19 ноября.

[41] *Мещеряков Н.* Германия и союзники // Там же. 1918. 3 декабря.

[42] *Бронский М.* Революционные перспективы в Польше // Известия. 1919. 12 января.

[43] Там же.

[44] *Nowak A.* Polska i trzy Rosje. Studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 roku). Kraków, 2008. P. 97.

Бывшие западные окраины империи Романовых назывались в центральной прессе «средостением» или же «барьером» на пути к революционной Германии. Однако именно Польша лишь единожды была описана такой метафорой, при том что она не становилась объектом для скорого занятия советскими войсками на пути в Германию. Если в отношении Белоруссии допускались такие суждения, например, как — «можно смело надеяться, что в самом ближайшем будущем над Минском будет развеваться Советское революционное знамя»[45], то в отношении Польской Республики таких суждений не допускалось.

«Правда», равно как и «Известия», довольно редко сопровождалась иллюстративным материалом. Однако в обоих изданиях в декабре 1918 г. были представлены две схематичные карты. Первая, опубликованная 12 декабря в «Известиях», представляла читателям «II период мировой революции после краха германского империализма»[46]. Если РСФСР и «Советская Германия» именовались как «страны на стадии социалистической революции», то Польша описывалась как страна, находящаяся на стадии «националистической революции»[47], зажатая с запада революционной Германией и активно расширяющей свои границы Советской Россией с востока.

Весьма скромная по своим масштабам Польская Республика была представлена на опубликованной 31 декабря 1918 г. в «Правде» карте. Иллюстративный материал представлял читателям «Западный фронт к 25-му декабря»[48]. В отличие от предыдущего примера в данном случае отчетливо представлена восточная граница Польши. Вне пределов Польского государства оказались крупные населенные пункты: Вильно (Вильнюс), Гродно, Барановичи и Брест-Литовск. Польша явно представлялась большевистскому руководству относительно небольшим государственным образованием, основанным на национальных границах.

Центральная советская пресса в период с ноября 1918 г. как минимум до апреля 1919 г. не зафиксировала сколь-либо прямых намерений помощи германской революции, а вместе с тем и стремлений к насильственной смене политического режима в возрождавшейся Польше. Весьма противоречивое (местами даже критическое) видение перспектив социально-политических процессов в Европе газета «Правда» отражала уже с ноября 1918 г. Уверенные суждения о необходимости военно-революционной «помощи» трудящимся массам Польши станут характерны для риторики «Правды» лишь в 1920 г.[49]

---

[45] *П-ий С.*С. Положение в Белоруссии // Правда. 1918. 4 декабря.

[46] II период мировой революции после краха германского империализма // Известия. 1918. 12 декабря.

[47] Так указано в тексте.

[48] Западный фронт к 25-му декабря 1918 // Правда. 1918. 31 декабря.

[49] 30 мая того же года в статье «Лагерь вооруженного пролетариата» отчетливо звучала идея советизации Польши: «Если мы выиграем эту битву и раздавим панскую Польшу, мы соединим свои силы с силами польских рабочих. И когда польский и русский пролетариат

Представление о конечных рубежах продвижения Красной Армии на западе, а следовательно, о возможных восточных границах Польши нашло свое отражение в ходе советского осенне-зимнего наступления в 1918–1919 гг.

Вслед за поражением Германии и падением ее военно-политической роли в Восточной Европе в движение пришли новые политические силы. Территории, занимаемые прежде немецкими войсками, стали предметом спора Советской России и Польской Республики. Уже 16 ноября 1918 г. Главное командование приказало Западной Армии выслать глубокую разведку в направлении Режица–Полоцк–Борисов–Бобруйск–Гомель[50]. Первоначально советскому продвижению сопутствовал успех. Динамика была такова: 10 декабря 1918 г. был занят Минск, 6 января — Вильно (Вильнюс). К 13 февраля 1919 г. Красная армия занимала фронт Паневеж — Слоним — Береза Картузская — Янов Полесский — Сарны — Овруч[51].

На фоне ощутимых успехов в советских военных штабах довольно четко рисовалась перспектива выхода к польским рубежам. В докладе И.И. Вацетиса В.И. Ленину в январе 1919 г. сообщалось, что «в Прибалтике наши успехи докатились до естественной границы Балтийского моря. Того же можно в скором времени ожидать на западе, когда мы дойдем до границ Польши...»[52]. Документы свидетельствуют о том, что установление революционной власти имело исключительно военный характер. В том же докладе И.И. Вацетис указывал, что «столь обширный успех в вопросе о расширении территории Республики достигнут исключительно оружием»[53].

Неопределенность государственно-правового статуса рассматриваемых территорий и отсутствие организованного сопротивления способствовали быстрому продвижению Красной Армии, в задачи которой входило «занимать очищаемые территории и устраивать при содействии местных военных комиссариатов и губисполкомов власть на местах»[54]. Очевидно, что не шло речи о каком-либо не военном варианте установления советской власти.

Польское правительство в ноте от 22 декабря 1918 г. охарактеризовало советское продвижение как «враждебный акт» в отношении Польши[55].

будет одновременно у власти — это будет обозначать начало всеобщего пролетарского восстания в Германии. Вот почему вздуты все жилы на лбу мирового капитализма...» См.: Лагерь вооруженного пролетариата // Там же. 1920. 30 мая.

[50] Директива Главного командования командованию Западной армии о задачах армии (от 16 нояб. 1918 г.) // ДГККА. М., 1969. С. 176.

[51] *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001 (http://militera.lib.ru/research/meltyukhov2/03.html (дата обращения 07.12.2011)).

[52] Из доклада Главкома В.И. Ленину о стратегическом положении Республики и качестве резервов (янв. 1919) // ДГККА. М., 1969. С. 142.

[53] Там же.

[54] Там же. С. 176.

[55] Польско-советская война 1919–1920 (Ранее не опубликованные документы и материалы). Ч. I. М., 1994. С. 7.

30 декабря Варшава заявила Москве, что вследствие наступления Красной армии в Литве и Белоруссии польское правительство вынуждено выступить в защиту своего населения самым энергичным образом. На это советская сторона 7 января 1919 г. ответила заявлением, что советские войска нигде не вступили на территорию, «которая могла быть рассматриваема как принадлежащая Польской Республике»[56]. Позиция советской дипломатии представляется отчасти обоснованной. Советские войска по сути не нарушали рубежей так называемого Царства Польского, хоть и имелись сообщения о занятии спорных территорий. В январе 1919 г. И.И. Вацетис действительно писал о переходе границ Царства Польского, что, по его мнению, грозило тем, «что пределы занятых нами территорий окажутся спорными и вызывающими casus belli с Польшей»[57]. Красная Армия, скорее всего, закреплялась только в сопредельной местности, которая представлялась польской политической элите неотъемлемой частью возрождавшегося государства. И к 1919 г. территориальные требования молодой Польской республики были хорошо известны в Москве. Еще в декабре 1918 г. в Наркомнаце появилась информация об угрозе «польского движения» на территории Гродненской и Виленской губерний. Отход немецких вооруженных сил весьма точно оценивался сотрудниками наркомата как преддверие вооруженного столкновения с поляками[58].

Конечные пределы продвижения Красной Армии и ее стратегические задачи на рубеже 1918–1919 гг. в исторической литературе стали предметом негласного спора. Российский историк Г.Ф. Матвеев полагает, что территория Царства Польского не становилась объектом советской экспансии ни в 1918, ни в 1919 г.[59] Это утверждение подкрепляется тем фактом, что командованию Красной Армии довольно длительное время вообще не были известны конечные пункты продвижения советских войск в западном направлении. Доказательством тому служит обращение начальника штаба реввоенсовета Западной армии Костяева к Г.В. Чичерину: «...политическая обстановка, главным образом со стороны Польши, остается неопределенной, посему благоволите указать, до какой линии или до каких пунктов считаете возможным наше продвижение, <...> а также определить восточные границы Польши, которые для военного командования остаются совершенно неизвестными»[60].

Совершенно противоположной представляется точка зрения ряда западных авторов. Группа ученых, в том числе известный специалист по истории

[56] *Мельтюхов М.* Советско-польские войны. М., 2004. С. 29.

[57] Из доклада Главкома В.И. Ленину о стратегическом положении Республики и качестве резервов (январь 1919) // ДГККА. М., 1969. С. 147.

[58] См.: ГАРФ. Ф. Р.1318. Оп. 1. Д. 416. Информационный отдел при Наркомнацональностей. Польский стол. Обзор № 15 за время от 12 декабря по 19 декабря 1918 г. Л. 49–50.

[59] *Матвеев Г.Ф.* Начало // Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010. С. 30.

[60] Цит. по: Там же. С. 31–32.

советско-польских отношений Н. Девис, пришли к выводу о том, что продвижение Красной Армией имело некое кодовое название: операция «Цель — Висла»[61].

По мнению авторов, само название говорит о том, что перед советскими войсками уже на рубеже 1918–1919 гг. ставилась задача выхода к р. Висла, что, соответственно, влекло за собой занятие ряда этнографических польских земель. Справедливости ради стоит отметить, что сам же Н. Девис ставит под сомнение возможность реализации такой задачи: «Операция с шифром "Цель Висла" должна была закончиться захватом Варшавы», но «несомненно, кодовое название было ничем иным как слоганом, продиктованным революционной бравурой»[62].

В польской историографии идея о существовании так называемой операции «Цель — Висла» всё же получила широкое распространение. В частности, Я.А. Гоцолон пишет: «Уже в декабре 1918 была начата реализации стратегического плана "Операция Висла". Поглощение польских земель было неизменной целью правительства Ленина», поскольку Польша лежала на пути к революционной Германии[63]. К сожалению, следуя указанным авторами ссылкам, мы не находим подтверждений тому, что подобное название (а вместе с ним и далеко идущие стратегические цели) когда-либо фигурировали в приказах советского военного командования.

Вряд ли стоит переоценивать и те задачи, которые ставились перед советскими частями. Их продвижение имело территориально ограниченный характер, а решение стратегических задач Красной Армии на западе в целом не было первостепенным.

С этим положением не вполне согласны И.С. Яжборовская и В.С. Парсаданова. В своем совместном труде они писали о сложившемся мифе, якобы красные части были крайне слабыми и очень пассивными[64].

Оперируя данными И.И. Вацетиса, исследователи предположили, что «численность Западной армии составляла 81,5 тыс. бойцов — почти 40 процентов всех сил Красной Армии того времени»[65]. Логика представляется довольно ясной — многочисленная армия на западных рубежах Советского государства в подходящий политический момент могла стать авангардом мировой революции. Такой подход вызывает некоторые вопросы.

В коллективной монографии, посвященной Гражданской войне в России, И.И. Вацетис и Н.Е. Какурин действительно говорят о том, что Западная

[61] См.: *Davies N.* Orzeł biały, czerwonagwiazda. Wojnapolsko-bolszewicka 1919–1920. Kraków, 2011. P. 41; *Croll K.D.* Soviet-polish relations, 1919–1921. Glasgow, 2008. P. 24; *Gocołon J.A.* W obronie Europy. Wojna z bolszewicką Rosją w 1920 roku. Toruń, 2006. P. 24.

[62] *Davies N.* Op. cit. P. 41.

[63] *Gocołon J.A.* Op. cit. P. 24.

[64] Ibidem.

[65] *Яжборовская И.С., Парсаданова В.С.* Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М., 2005. С. 152.

армия насчитывала 81,5 тыс. бойцов[66]. Утверждение представляется неточным. Первоисточник в виде февральского доклада того же И.И. Вацетиса засвидетельствовал информацию иного характера: численность Западного **фронта** на конец февраля 1919 г. составляла **81,5 тыс.** штыков и сабель[67]. Западная же **армия**, которая была его составной частью, дислоцировалась в районе Шавли–Ковно–Гродно–Брест–Ровно–Смоленск и насчитывала **46 тыс.** бойцов[68].

Такова была численность Западной Армии в рассматриваемый период (которая была вполовину меньше той цифры, о которой говорят В.С. Парсаданова и И.С. Яжборовская). Соответственно, едва ли уместно говорить здесь о том, что имеет место миф о слабости советских войск на Западном фронте, который ко всему прочему испытывал на себе постоянную нагрузку в виде глубокой разобщенности составляющих его армий, имевших ярко выраженный национальный характер (Эстонская, Латышская и Литовско-Белорусская армии[69]). Добавим также, что советское военно-политическое руководство в зависимости от общего стратегического положения республики неоднократно меняло направление главного удара, придавая первоочередное значение, как правило, одному фронту. И соответственно, войска перебрасывались с одного театра боевых действий на другой довольно часто. На рубеже 1918–1919 гг. Западный фронт «ударным» не был.

Тем не менее в рассматриваемый период Красной Армией были заняты обширные территории бывших западных окраин империи Романовых, где поляки не представляли этнической доминанты. Пристальное рассмотрение приказов советского военного командования вместе с изучением демографических данных, на наш взгляд, предоставляет весомые основания для выводов о том, каковые были стратегические цели армии Советской России в польско-литовско-белорусском пограничье.

Одним из первых приказов, в котором значились спорные в будущем области, явился Приказ войскам Западной армии о продолжении наступления в Прибалтике и Белоруссии от 12 декабря 1918 г. В нём указывалось: «По закреплении на линии Крейцбург–Двинск продолжать наступление на Митаву, Поневеж, Вильно, Лиду, Барановичи, Пинск, Мозырь»[70]. В самом начале документа отмечалось взятие польскими легионерами Брест-Литовска, в направлении которого в приказе от 9 января 1919 г. предписывалось вести усиленную

[66] *Какурин Н.Е., Вацетис И.И.* Гражданская война. 1918–1921. СПб., 2002 (http://www.rusrevolution.info/books/index.shtml?6 (дата обращения 10.06.2012)).

[67] Из доклада Главного командования В.И. Ленину и Реввоенсовету о стратегическом положении Советской Республики и задачах Красной Армии (23–25 февраля 1919 г.) // ДГККА. М., 1969. С. 154.

[68] Там же. С. 158.

[69] Там же. С. 332.

[70] Приказ войскам Западной армии о продолжении наступления в Прибалтике и Белоруссии № 19/0 от 12 декабря 1918 г. // ДКФКА. Т. 1. М., 1971. С. 481.

разведку[71]. В числе всех последовавших в течение 1918–1919 гг. приказов на западном направлении ни единого раза не ставилось целью занятие одной из областей Царства Польского.

Среди тех территорий, которые большевики оспаривали у поляков в 1919 г., не было ни одной административной единицы, где поляки преобладали бы как национальное большинство накануне Первой мировой войны. Стоит обратиться к статистическим источникам, зафиксировавшим национальный состав тех рубежей, которые были заняты Красной Армией в декабре 1918 — январе 1919 г., что и послужило причиной острой напряженности в отношениях с Польшей. Одними из первых городских населенных пунктов, в области которых произошли боевые столкновения польских и советских вооруженных сил в январе–феврале 1919 г., были Вильно (Вильнюс) и Брест-Литовск. Население Брест-Литовска, следуя переписи населения 1897 г., составляло 46 568 человек (при учете весомой еврейской составляющей — 30 109). Поляков насчитывалось не более 3358[72]. Ситуация в самом Брестском уезде представляется еще более контрастной — из 218 432 жителей уезда поляков было лишь 8515[73]. Аналогичная картина прослеживалась и на уровне всей Гродненской губернии вместе с городом Гродно[74].

В конце XIX в. в Виленской губернии за исключением того, что поляки составляли чуть менее 1/3 от общего числа жителей города Вильно (Вильнюс)[75], на 1 591 207 жителей губернии их приходилось всего 130 054[76].

Предыдущий ход исторического развития «восточных кресов» сделал поляков культурной и политической доминантой в данном регионе. Большую же часть всего населения (сельского, а в отдельных случаях — городского) составляли представители непольских народностей. Такая ситуация, даже при учете возможных колебаний в демографических показателях в 1914–1918 гг., позволяла командованию Красной Армии осуществлять наступление на запад, опираясь на сложившуюся этносоциальную ситуацию при определении конечной линии продвижения войск.

Показательно, что с развитием советского наступления в Прибалтике и Белоруссии на рубеже 1918–1919 гг., что влекло за собой обострение в отношениях с Польской Республикой, большевики официально не отрицали независимости последней. В этом отношении стоит обратиться к эпизоду, связанному с попыткой организации странами Антанты так называемого совещания на Принцевых островах в середине февраля 1919 г.

---

[71] Там же.

[72] Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и уездам 50 губерний Европейской России (Источник: Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Табл. XIII: Распределение населения по родному языку. Т. 1–50. СПб., 1903–1905) (Демоскоп Weekly: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=351 (дата обращения 14.07.2012)).

[73] Там же.

[74] Там же.

[75] Там же.

[76] Там же.

Конференция должна была служить восстановлению мира в России и прекращению Гражданской войны. Желание принять участие в мирной конференции выразило советское правительство. Как утверждают авторы советского Дипломатического словаря, решение «Советского правительства явилось неожиданным для авторов плана созыва конференции. По “совету” сторонников открытой интервенции ряд белогвардейских “правительств” отказался от участия в переговорах с Советской Россией», в результате чего конференция на Принцевых островах не состоялась[77].

Несмотря на провал миротворческих инициатив стран Антанты, советское руководство успело выразить свою позицию по возможным переговорам. В ноте правительствам Великобритании, Франции, Италии, США и Японии от 4 февраля 1919 г. Правительство РСФСР прямо заявило о готовности начать переговоры с целью прекращения войны и обозначило те условия, которые могли содействовать урегулированию отношений со странами Антанты. Особенно важным, на наш взгляд, являлся четвертый пункт, касавшийся территориальных уступок. В документе подчеркивалось, что «под аннексиями следует подразумевать сохранение на той или другой части территории бывшей Российской империи, за вычетом Польши и Финляндии, военных сил Согласия или же таких, которые содержатся правительствами Согласия или пользуются их финансовой, технической, военной или иной поддержкой»[78]. Таким образом советская дипломатия официально закрепляла перед странами Антанты факт отделения и суверенного существования Польши и Финляндии, которые больше не рассматривались как территории, принадлежащие советской власти. Обе эти страны в отличие от Белоруссии и прибалтийских республик[79] не входили к моменту созыва конференции в орбиту вероятного распространения советской власти силами Красной Армии.

Подводя итог вышесказанному, мы можем заключить, что к рубежу 1918–1919 гг., т.е. к тому моменту, когда вопрос о восточной границе Польши стал предметом военного спора, советское политическое и военное руководство не имело максимально четкого представления об их виде. Ни первые декреты советской власти, ни последовавшие позже международно-правовые документы, которые касались вопроса о польской независимости, никак не фиксировали в своем содержании предполагаемого территориального оформления новых геополитических реалий. Внезапно открывшиеся перспективы установления советской власти в Белоруссии и Прибалтике давали возможность для широкого военно-политического и дипломатического маневра, чем большевики

[77] См.: Принцевы острова (план созыва конференции) // Дипломатический словарь. М., 1986. Т. 2. С. 423.

[78] Нота Правительства РСФСР Правительствам Великобритании, Франции, Италии, США и Японии от 4 февраля 1919 г. // ДВП СССР. Т. 2. М., 1958. С. 59.

[79] В указанной ноте Г.В. Чичерин отметил, что «Белоруссия, Литва, Латвия почти целиком перешли в руки советских войск этих республик вместе с большими городами — Минском, Вильно, Ригой, Двинском, Митавой...» (Там же).

воспользовались, устанавливая советский строй в рассматриваемом регионе. Представляется, что единственным ориентиром, определявшим крайние пределы продвижения советских вооруженных сил, были польские этнографические границы. Именно границы Царства Польского представлялись неприкосновенными рубежами суверенной буржуазной Польши. Переход этих границ казался советскому руководству возможной причиной войны, которой в Москве пытались избежать даже ценой пренебрежения мнением широких кругов польских коммунистов[80].

References

«DiktaturaYazykocheshushikh nad Rabotaushimi». Posledniaya sluzhebnaya zapiska G.V. Chicherina // Istochnik. № 6. M., 1995.

Bronski M. Rewolucionnie perspektivi w Polshe // Izvestiya. 1919. 12 yanvarya.

Croll K.D. Soviet-polish relations, 1919–1921. Glasgow, 2008.

Czubiński A. Walka Józefa Pilsudskiego o nowy kształt polityczny Europy Środkowo-Wschodniej w latach 1918–1921. Toruń, 2002.

Davies N. Orzeł biały, czerwona gwiazda. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920. Kraków, 2011.

Direktivi Glavnogo komandowaniya Krasoy Armii. M., 1969.

Direktivi komandovania frontov Krasnoy Armii. T. 1. M., 1971.

Dokumenti vneshnej politiki SSSR. T. 1. M., 1959.

Dokumenti vneshnej politiki SSSR. T. 2. M., 1958.

Doycher I. Trocky: vooryzhonnii prorok, 1879–1921. M., 2006.

Felshtinsky J. Krushenie mirovoy revolucii. Brestskiy mir: Oktyabr' 1917 — noyabr' 1918. M., 1992.

Fiddick T.G. Russia's Retreat from Poland, 1920. From Permanent Revolution to Peaceful Coexistence. London, 1990.

Gocołon J.A. W obronie Europy. Wojna z bolszewicką Rosją w 1920 roku. Toruń, 2006.

Kakurin N. E., Vacetis I. I. Grazhdanskaya vojna. 1918–1921. SPb., 2002.

Komintern i ideya mirovoy revolucii. Dokumenti. M., 1998.

Lager' vooruzhennogo proletariata // Pravda. 1920. 30 maya.

Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. T. 50. M., 1970.

Likoshina L.S. Osnovatel «piastovsoy koncepcii» razvitiya Pol'shi Roman Dmowski // Do i posle Versalya. Politicheskie lideri i ideya nacionalnogo gosudarstva v Centralnoy i Jugo-Vostochnoy Evrope. M., 2009.

Meltukhov M.I. Sovietsko-polskie voyni. Voenno-politicheskoe protivostoyanie. 1918–1939 gg. M., 2001.

Meltukhov M. Sovietsko-polskie voyni. M., 2004.

Mesheryakov N. Germaniya i sojuzniki // Pravda. 1918. 3 dekabrya.

Mgeladze I. Germanskaya revoluciya v opasnosti // Pravda. 1918. 19 noyabrya.

Novikova I.N. «Mezhdu molotom I nakovalney»: Shveciya v germano-rosiiskom protivostoyanii na Baltike v godi Pervoy mirovoy voyni. SPb., 2006.

Nowak A. Polska i trzy Rosje. Studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 roku). Kraków, 2008.

Pervaya vseobshaya perepis' naseleniya Rosiyskoy Imperii 1897 g. Raspredelenie naseleniya po rodnomu yaziku i uyezdam 50 guberniy Evropeyskoy Rossii (Istochnik: Pervaya Vseobshaya perepis' naseleniya Rossiyskoy

[80] Большая политика Москвы в деле мирных переговоров с поляками вызывала противодействие ряда польских коммунистов. Даже пропуск польского чрезвычайного посланника (Александра Венцковского) через территорию Белоруссии являлся проблемой. Чичерин опасался, что такой ход событий мог быть следствием интриг польских коммунистов, которые, по слухам, собирались даже арестовать польского делегата. Сложность политического момента потребовала вмешательства В.И. Ленина, который был вынужден пойти на угрозы: «Если польские коммунисты не будут пропускать Венцковского, мы пошлем отряд, чтобы открыть ему путь к нам» (см.: АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 204. Д. 52412. Л. 6. Письмо Г.В. Чичерина А.А. Иоффе от 15.02.1919 г.).

Imperii 1897 g. Tabl. XIII: Raspredelenie naseleniya po rodnomu yaiku. T. 1–50. SPb., 1903–1905) // Demoskop Weekly. http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=351 (data obrasheniya 14.07.2012).

Perviy kongress Kominterna. 1919 g. M., 1933.

P-ii S.S. Polozhenie v Belorussii // Pravda. 1918. 4 dekabrya.

P-ii S.S. Polozhenie v Pol'she // Pravda. 1919. 19 noyabrya.

Pilsudsky J. Voyna 1920 goda. M., 1992.

Pis'mo G.V. Chicherina A.A. Ioffe ot 15.02.1919 r. // AVPRF. F. 04. Op. 32. P. 204. D. 52412. L. 6.

Polsko-sovietskaya voyna 1919–1920 (Ranee ne opublikovannie dokumenti i materiali). Ch. I. M., 1994.

Princevi ostrova (plan soziva konferencii) // Diplomaticheskiy slovar'. M., 1986. T. 2.

Radek K. Na sluzhbe germanskoy revolucii. M., 1921.

Radek K. Vneshnyaya politika Sovetskoy Rossii. M.; Pg., 1923.

S Vostoka svet // Pravda. 1918. 15 dekabrya.

Shishkin V.A. Stanovlenie vneshney politiki poslerevolucionnoy Rossii (1917–1930) i kapitalisticheskiy mir. SPb., 2002.

Sovietskaya Germaniya // Pravda. 1918. 10 noyabrya.

Stalin I.V. Oktyabr'sky perevorot i vopros o nacional'nostyach // Pravda. 1918. 19 noyabrya.

Vatlin A.U. Komintern: Idei, resheniya, sud'bi. M., 2009.

Volin B. Zavojevania Berlina // Pravda. 1918. 12 noyabrya.

Vos'moy s'ezd RKP(b). Mart 1919 goda. Protokoli. M., 1959.

Yazhborowskaya I.S., Parsadanova V.S. Rossiya i Pol'sha. Sindrom voyni 1920 g. M., 2005.

Zapadni front k 25-mu dekabrya 1918 //Pravda. 1918. 31 dekabrya.

Матвеев Г.Ф. Начало // Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010.

II period mirowoj rewolucii posle krakha germanskogo imperializma // Izvestiya. 1918. 12 dekabrya.

Список литературы

Ватлин А.Ю. Коминтерн: Идеи, решения, судьбы. М., 2009.

«Диктатура Языкочешущих над Работающими». Последняя служебная записка Г.В. Чичерина // Источник. 1995. № 6. С. 107–110.

Дойчер И. Троцкий: вооруженный пророк, 1879–1921. М., 2006.

Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война. 1918–1921. СПб., 2002.

Лыкошина Л.С. Основатель «пястовской» концепции развития Польши Роман Дмовский //До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009.

Матвеев Г.Ф. Начало // Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010. С. 15–49.

Мельтюхов М. Советско-польские войны. М., 2004.

Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001.

Пилсудский Ю. Война 1920 года. М., 1992.

Польско-советская война 1919–1920 (Ранее не опубликованные документы и материалы). Ч. I. М., 1994.

Радек К. Внешняя политика Советской России. М.; Пг., 1923.

Радек К. На службе германской революции. М., 1921

Шишкин В.А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930) и капиталистический мир. СПб., 2002.

Яжборовская И.С., Парсаданова В.С. Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М., 2005.

Croll K.D. Soviet-polish relations, 1919–1921. Glasgow, 2008.

Czubiński A. Walka Józefa Pilsudskiego o nowy kształt polityczny Europy Środkowo-Wschodniej w latach 1918–1921. Toruń, 2002. P. 49–50.

Davies N. Orzeł biały, czerwonagwiazda. Wojnapolsko-bolszewicka 1919–1920. Kraków, 2011.

Fiddick T.G. Russia's Retreat from Poland, 1920. From Permanent Revolution to Peaceful Coexistence. London, 1990.

Gocołon J.A. W obronie Europy. Wojna z bolszewicką Rosją w 1920 roku. Toruń, 2006.

Nowak A. Polska i trzy Rosje. Studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 roku). Kraków, 2008.